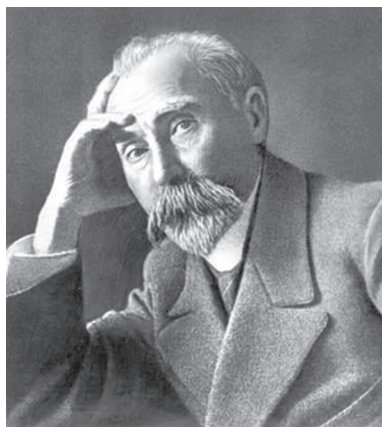

Серия «Университетские научные школы»

Выпуск 12

**ГЕОРГИЙ ВАЛЕНТИНОВИЧ ПЛЕХАНОВ,
ВЫДАЮЩИЙСЯ РУССКИЙ МЫСЛИТЕЛЬ,
И СОВРЕМЕННОСТЬ**

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФГБОУ ВО «РОССИЙСКИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени Г.В. ПЛЕХАНОВА»
ФГБОУ ВО «ТАМБОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени Г.Р. ДЕРЖАВИНА»
ТАМБОВСКОЕ РЕГИОНАЛЬНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ОБЩЕСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ
ВОЛЬНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА РОССИИ
НАУЧНАЯ ШКОЛА «ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ»
В РОССИЙСКОМ ЭКОНОМИЧЕСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ имени Г.В. ПЛЕХАНОВА

Серия «Университетские научные школы»

Выпуск 12

**ГЕОРГИЙ ВАЛЕНТИНОВИЧ ПЛЕХАНОВ,
ВЫДАЮЩИЙСЯ РУССКИЙ МЫСЛИТЕЛЬ,
И СОВРЕМЕННОСТЬ**

(К 160-летию со дня рождения Г.В. Плеханова)

Монография

Москва – Тамбов

2017

Оглавление

Введение	15
Вместо предисловия. Кратко о Плеханове и РЭУ им. Г.В. Плеханова <i>В.И. Гришин, д.э.н., проф., ректор Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова</i>	19
Раздел I. ИЗБРАННЫЕ РАБОТЫ ВЫДАЮЩЕГОСЯ РУССКОГО МЫСЛИТЕЛЯ Г.В. ПЛЕХАНОВА	
Глава 1. Наши разногласия. Письмо к П.Л. Лаврову	21
Глава 2. Об экономическом факторе	35
Глава 3. Двадцать пятая годовщина смерти К. Маркса	63
Раздел II. ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ Г.В. ПЛЕХАНОВА, ЕГО ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, ПОСТУПКИ И ТВОРЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ	
Глава 4. Сложная и противоречивая судьба Г.В. Плеханова и уроки, которые можно извлечь из его творческого наследия <i>Г.П. Журавлева, д.э.н., проф., заслуженный деятель науки РФ</i>	67
Глава 5. Идейное наследие Г.В. Плеханова: ретроспектива и перспектива развития индустриального общества <i>С.Д. Бодрунов, д.э.н., проф.</i>	83
Глава 6. Напряженный поиск верного взгляда на исторический процесс Г.В. Плеханова <i>Ю.В. Якутин, д.э.н., проф.</i>	91
Глава 7. Детерминированность экономических преобразований: от Г.В. Плеханова к Л.И. Абалкину <i>М.И. Воейков, д.э.н., проф.</i>	105
Глава 8. Сквозь призму времени. Марксист с особо человеческим лицом <i>Г.Н. Цаголов, д.э.н., проф., академик РАЕН</i>	112

Глава 9.	Экономические взгляды Г.В. Плеханова и проблемы развития России в современных условиях <i>А.А. Анисимов, к.э.н., доц., О.Б. Тихонова, к.э.н., доц.</i>	121
Глава 10.	Трагифарс «Плехановской ортодоксии» и драма российской европеизации <i>Г.Д. Гловели, д.э.н., проф.</i>	133
Глава 11.	Г.В. Плеханов и евразийская идея <i>Д.Ю. Миропольский, д.э.н., проф.</i>	144
Глава 12.	Взаимосвязь экономического и нравственного в формировании гражданского общества: взгляды Г.В. Плеханова и современность <i>Г.И. Грекова, д.э.н., проф.</i>	151
Глава 13.	Специфика экономического поведения российской буржуазии: прошлое и современность <i>М.В. Киварина, д.э.н., доц.</i>	156
Глава 14.	Взгляды Г.В. Плеханова на роль интеллигенции в рабочем движении России на рубеже XIX-XX в. <i>Н.М. Багновская, д.и.н., проф.</i>	160
Глава 15.	Г.В. Плеханов и современные исследователи о связи законов и теорий <i>Н.И. Сидоренко, д.ф.н., проф.</i>	168
Глава 16.	Отражение мыслей Г.В. Плеханова в экономической действительности РФ XXI века <i>А.А. Узрюмова, д.э.н., проф., Л.Е. Паутова, к.и.н., доц.</i>	181
Глава 17.	Философия развития российского общества в работах Г.В. Плеханова (системный подход) <i>П.В. Савченко, д.э.н., проф., М.Н. Федорова, д.э.н.</i>	187
Глава 18.	Г.В. Плеханов и С.Н. Булгаков: марксизм и русский философский ренессанс XX в. <i>А.В. Талонов, д.э.н., проф.</i>	197
Глава 19.	Взгляды Г.В. Плеханова на мировоззренчески-познавательную и художественно-эстетическую сферу культуры <i>И.М. Корнилова, д.и.н., проф., Л.И. Батюк, к.и.н., доц.</i>	202
Глава 20.	Исторические корни социологии искусства и вклад Г.В. Плеханова в решение этой проблемы <i>Е.В. Александрова, к.и.н., доц., М.И. Скрипникова, ст. преп., Ю.И. Смирнов, к.и.н., доц.,</i>	206
Глава 21.	Взгляды Г.В. Плеханова на историю общественного развития и история «перестройки» современной России <i>Ю.П. Кожяев, д.и.н., проф.</i>	212
Глава 22.	Прав ли был Г. Плеханов? (взгляд через 100 лет) <i>М.И. Забелина, к.э.н., доц.</i>	225

**Раздел III. К 110-й ГОДОВЩИНЕ СО ДНЯ ОСНОВАНИЯ
РОССИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
имени Г.В. ПЛЕХАНОВА**

- Глава 23.** История создания экономико-коммерческого высшего учебного заведения: от коммерческого училища до Государственного Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова
Ш.М. Мунчаев, д.и.н., проф., заслуженный деятель науки РФ 229
- Глава 24.** Политические взгляды современника Г.В. Плеханова, первого ректора Московского коммерческого института профессора Павла Ивановича Новгородцева и его время
Р.И. Хасбулатов, д.э.н., проф., член-корр. РАН 238
- Глава 25.** Плехановская культура в свете теории «общественного идеала» П.И. Новгородцева
И.М. Корнилова, д.и.н., проф., Ф.И. Гусейнов, к.ф.н., доц. 259
- Глава 26.** Московское общество распространения коммерческого образования
И.Н. Шапкин, д.э.н., проф. 265
- Глава 27.** Роль РЭУ им. Г.В. Плеханова в современном российском образовании
И.М. Корнилова, д.и.н., проф., Д.О. Чавкин, асп. 279
- Глава 28.** Перспективные профессии в области менеджмента и экономики
С.В. Панасенко, д.э.н., проф., С.А. Краснов, препод. 289

**Раздел IV. «ПЛЕХАНОВЦЫ» – УЧЕНЫЕ И ВЫПУСКНИКИ
РЭУ им. Г.В. ПЛЕХАНОВА – О РОССИЙСКИХ
И МИРОВЫХ ПРОБЛЕМАХ СОВРЕМЕННОСТИ**

- Глава 29.** Размышления об экономике и геополитике
Р.С. Гринберг, д.э.н., проф., член-корр. РАН 298
- Глава 30.** Открытая дискуссия в России по национальному вопросу (два мнения)
- 30.1.** Кому и зачем нужен закон «О российской нации»?!
К.И. Курбаков, д.э.н., проф. 301
- 30.2.** «Для мира мы русские»
С.С. Говорухин, депутат Госдумы РФ, кинорежиссер 308
- Глава 31.** Образование как фактор экономического развития отечественной экономики
Л.И. Батудаева, к.э.н., доц. 310
- Глава 32.** Категориальное понимание человеческого капитала
Е.Н. Чижова, д.э.н., проф., Е.Ю. Кажанова, ст. преп. 314
- Глава 33.** Анализ факторов экономического роста на основе научных исследований
С.В. Мудрова, к.э.н., доц., Д.А. Покаместов, студ. 323

Оглавление

Глава 34. Особенности транзакционных издержек на рынке труда <i>В.С. Баженова, д.э.н., проф., Е.Н. Протасова, к.э.н., препод.</i>	330
Глава 35. Приоритетные направления экономической политики государства на современном этапе <i>Т.В. Скрыль, к.э.н., доц.</i>	339
Глава 36. Малое и среднее предпринимательство – стратегический ресурс развития России <i>О.В. Сагинова, д.э.н., Л.С. Леонтьева, д.э.н., Д.В. Завьялов, к.э.н., Н.Б. Завьялова, к.т.н.</i>	345
Глава 37. Приоритетное развитие легкой промышленности в российских регионах <i>Е.В. Бурденко, к.э.н., доц.</i>	358
Глава 38. Основные ориентиры стратегии пространственного развития крупных городов в условиях экономической нестабильности <i>Г.Ю. Гагарина, д.э.н., проф., Л.С. Архипова, к.э.н., доц.</i>	365
Глава 39. Анализ торговых центров Москвы и Московской области <i>С.В. Панасенко, д.э.н., проф., Е.В. Слепенкова, доц., Т.В. Жердочка, студ.</i>	372
Глава 40. Экономика идентичности <i>А.Ю. Борисов, асп.</i>	379
Глава 41. Виртуальная реальность как будущее современного маркетинга <i>Е.А. Панова, к.э.н., ст. преп., Е.Р. Редько, студ.</i>	383
Глава 42. Диспаритет цен как возможность расширенного воспроизводства аграрной экономики <i>Н.Р. Амирова, к.э.н., доц., Л.В. Саргина, к.э.н., доц.</i>	386
Глава 43. Межфирменная кооперация и интеграционные процессы в системе АПК РФ <i>Н.Е. Бондаренко, к.э.н., доц., Т.П. Максимова, к.э.н., доц.</i>	395
Глава 44. Динамика развития природно-ресурсного потенциала регионов Монголии <i>Т.Г. Романова, д.э.н., проф., Р.Ж. Цыдыпов, к.э.н., доц.</i>	404
Заключение	410
Приложение 1. Основные даты жизни и деятельности Г.В. Плеханова	411
Приложение 2. Список работ Г.В. Плеханова, вошедших в «Избранные философские произведения»	419
Приложение 3. Библиографический перечень литературы о Г.В. Плеханове	426
Приложение 4. Иллюстрации	439

Глава 2

ОБ ЭКОНОМИЧЕСКОМ ФАКТОРЕ¹

I

Многие не любят у нас теперь полемики, особенно «резкой» полемики. О вкусах, конечно, не спорят: но вкусы изменчивы. Было время, когда у нас очень любили полемику. Вспомните Белинского, вспомните автора «Очерков гоголевского периода русской литературы»².

Этот последний, оправдывая политическую горячность Надеждина, заявляет, что незаконно нападать только на безоружного и беззащитного, на старцев и калек; а поэты и литераторы, против которых выступил Надеждин, были не таковы. Я совершенно разделяю этот взгляд; я тоже думаю, что слащавыми дипломатическими фразами нельзя решить ни одного важного вопроса и что, вопреки пословице, хорошая ссора нередко бывает гораздо лучше худого мира. Это уже так самим богом устроено, и вольтерьянцы напрасно против этого говорят.

Вот почему я очень рад полемике, начавшейся между «Новым Словом» и «Русским Богатством» на помощь которому выступила пухлая московская тетушка, в шутку называемая «Русской Мыслью». Очень возможно, что в этой полемике пострадает чье-нибудь литературное самолюбие и покачнется чья-нибудь литературная репутация. Но это не беда. Непрочны только незаслуженные репутации, а их не стоит и щадить.

Вот г. Михайловский прекрасно понимает, как полезно копаться вокруг корней истины. Он советует нашему журналу пересмотреть свой багаж «как относительно чисто теоретических положений отвлеченного характера, так и относительно практических выводов». Мы очень благодарны г. Михайловскому за его братский совет. Но так как вещи лучше всего познаются сравнением, то при пересмотре своего собственного багажа мы по временам будем заглядывать и в тот багаж, с которым почтенный фельетонист «Русского Богатства» вот уже тридцать лет гуляет «по садам российской словесности».

Начнем с «чисто теоретических положений отвлеченного характера».

Какую роль играет экономический фактор в истории человечества? Я высказал несколько соображений по этому поводу в своей статье о материалистическом понимании истории. Г-н Михайловский обратил на них свое внимание. Но едва ли он правильно понял их. Он, кажется, подумал, что я перехожу на точку зрения

¹ Плеханов Г.В. Об экономическом факторе // Избранные философские произведения: в 5-ти т. Т. 2. М., 1956. С. 267-299. (Окончательная редакция). *Статья дается в некотором сокращении.*

² Чернышевский Н.Г. Очерки гоголевского периода русской литературы // Полн. собр. соч.: в 15-ти т. Т. III. М.: Политиздат. 1947. С. 147.

субъективистов и прочих эклектиков. А я надеюсь, что со мной никогда не случится такого огромного несчастья.

Прежде чем спорить, надо условиться в терминологии. Правда, всем нам следовало бы раньше вспомнить об этом, но лучше поздно, чем никогда.

Противники материалистического понимания истории нигде не дали точного определения того понятия, которое связывается у них со словами: экономический фактор. Мне остается самому искать в их сочинениях ответа на вопрос о том, какова природа названного фактора.

Но противники материалистического понимания истории многочисленны, как звезды небесные. Нам нельзя иметь дело со всем этим почтенным воинством. Поэтому мы обратимся к двум его вожакам: к г. Карееву и к г. Михайловскому.

В своей критике материалистического понимания истории г. Кареев исходит, как известно, из той справедливой мысли, что человек состоит из души и тела. «И у души и у тела, – говорит он, – есть свои потребности, ищущие своего удовлетворения и ставящие отдельную личность в различное отношение к внешнему миру, т. е. к природе и к другим людям... отношение человека к природе в зависимости от физических и духовных потребностей личности создает поэтому, с одной стороны, разного рода искусства, направленные на то, чтобы обеспечить материальное существование личности, с другой стороны – всю умственную и нравственную культуру...». Материалистическое отношение человека к природе коренится в потребностях человеческого тела, в которых и надо искать «причины звероловства, скотоводства, земледелия, обрабатывающей промышленности, торговли и денежных операций».

Но почтенный профессор не может забыть, что у людей, кроме потребностей «тела», существуют еще и потребности «духа». Поэтому он оспаривает «экономический материализм», который – *думает он* – совсем игнорирует духовные потребности и не принимает в соображение деятельности, направленной на их удовлетворение. Это делает честь г. профессору. Но что же значит игнорировать потребности «духа»? Что значит не принимать в соображение удовлетворяющей их деятельности? Это значит объявить, что человек всегда и везде руководствуется лишь своими эгоистическими и притом чисто физическими потребностями – потребностью в пище, сне, половой потребностью и т. д. – и что если он высказывает иногда бескорыстную жажду знания и самоотверженную любовь к своим ближним, то он просто-напросто лжет, надевает на себя маску, желая обмануть какого-нибудь доверчивого глупца.

Я спрашиваю, говорил ли когда-нибудь что-нибудь подобное кто-либо из сторонников материалистического понимания истории? И всякий, кто хоть немного знаком с литературой предмета, ни минуты не колеблясь, ответит: нет, ничего подобного никто из них не говорил.

Но если так, то я имею полное право заметить г. Карееву, что сторонники материалистического взгляда на историю вовсе не приписывают исключительной роли экономическому фактору, *как он его понимает*, т.е. деятельности, направленной на

удовлетворение одних только физических потребностей человека. И, конечно, я с таким же правом могу прибавить, что если «экономические материалисты» действительно имеют те взгляды, которые он им приписывает, то сторонники материалистического понимания истории ничего общего не имеют с этими странными материалистами.

Перейдем к г. Михайловскому. В 1894 году он, стараясь опровергнуть «экономический материализм», писал об одном из исторических сочинений Блоса: «Из того, что Блос говорит о классовой борьбе и об экономических условиях (сравнительно очень немногих), еще не следует, что он строит историю на саморазвитии форм производства и обмена: обойти экономические условия в рассказе о событиях 1848 года было бы даже мудрено. Выкиньте из книги Блоса панегирик Марксу, как творцу переворота в исторической науке, да еще несколько условных фраз с марксистской терминологией, и вам не придет в голову, что вы имеете дело с последователем экономического материализма. Отдельные хорошие страницы исторического содержания у Энгельса, Каутского и некоторых других тоже могли бы обойтись без этикетки экономического материализма, так как на деле в них принимается в соображение вся совокупность общественной жизни, хотя бы и с преобладанием экономической струны в этом аккорде».

Из этих слов г. Михайловского выходит, что, по его мнению¹ подобного намерения никто из них никогда не обнаруживал.

Стало быть, я имею полное право сказать г. Михайловскому, как я уже сказал г. Карееву: у сторонников материалистического понимания истории нет ничего общего с экономическими материалистами, если только эти последние в самом деле держатся взглядов, приписанных им вами.

Существуют ли материалисты, держащиеся таких взглядов? Это вопрос, который мы должны оставить пока нерассмотренным, потому что нам нужно теперь же, ни на минуту не отвлекаясь в сторону, выяснить истинные взгляды сторонников материалистического понимания истории.

С этой целью я возьму из сочинений Г.И. Успенского очень наглядный пример.

Во второй части «Разоренья» («Тише воды, ниже травы») лицо, от имени которого ведется рассказ, описывает свою встречу с последователями какой-то новой, только что нарождающейся раскольничьей секты, основавшими «обитель», где каждый трудится на общую пользу, где различия между «твоим» и «моим» не существует и где поэтому чрезвычайно хорошо живется в материальном отношении. Обитель основана по завещанию крестьянина Мирона, который вел отшельническую жизнь и, жестоко себя истязая, приобрел славу мученика. Руководители новой секты для поддержания «веры» вырыли и перенесли в обитель его гроб, от которого, по их словам, шло большое благоухание. Но в действительности благоухания, разумеется, нет никакого, и это обстоятельство очень смущает одного молодого сектанта, до тех пор, однако, вовсе не отличавшегося религиозным

¹ Плеханов Г.В. Избранные философские произведения: в 5-ти т. Т. 2. М., 1956. С. 753.

фанатизмом и в своих симпатиях склонявшегося «главным образом к полушубкам, к довольству и сытному житью». Подсев к лицу, от имени которого ведется рассказ, парень этот таинственно шепчет ему на ухо:

«— А ну-ко, ваше благородие, да обман все это?

— Что такое обман?

— Да это, Мирон-то. Третью неделю мы его держим, а ведь по совести сказать, благоухания нету!

Я с изумлением смотрел на его как бы оробевшее лицо.

— Что вы скажете? Покуда из синоту бумаги не будет, открывать его не посмею, а что попробовала у нас одна бабочка секретом туда заглянуть, говорит: «одна земля, все обман! не верьте!..». Вот что поговаривают-то! Как бы, пожалуй, наше дело не вышло дрянь!..

Малый весьма озабоченно тряхнул головой.

— Как дрянь? — сказал я. — Да ведь вам хорошо жить? Ты сам говоришь, что никто из вас так хорошо не жил дома, как здесь?

— Разговору нету об этом!

— Так, стало быть, стоит по-прежнему только работать дружно!

— Тогда-то? — перебил меня малый. — Нет, не будет! Разбежимся все... Н-нет, барин! За угодником шли; за ним покой имели... Полагали, как предстатель... да вдруг обман? Стало быть... что же?.. Коль велик мой грех? Правда-то, стало быть, не наша! — вот что я скажу!.. Да лучше я, как собака. Да я тады сам передамся начальству.... У-уй-ду-у!.. То есть убегу, повинюсь. «Как угодно... без пощады!... У-уй-ду-у!».

Если в самом деле в какой-нибудь части света существуют экономические материалисты, приписывающие исключительную роль экономическому фактору, *как его понимает г. Кареев*, то мы советуем им хорошенько подумать над выписанной нами сценой. Молодой сектант явно склоняется к экономическому материализму в *кареевском смысле*: он думает главным образом об удовлетворении потребностей «тела». Но и у него есть духовные потребности, которые в последнем счете оказываются сильнее телесных. Он готов совершенно отказаться от полушубков, довольства и сытого житья, если только религиозное учение основателей секты неправильно и если вообще «все это обман». А этот сектант не выдуман Г.И. Успенским. Всякий чувствует, что это совсем живое лицо. Как же после этого можно игнорировать потребности «духа». Как можно говорить, что человек всегда и везде руководствуется лишь своими физическими потребностями? Нет, нет, достаточно прочитать эту сцену, чтобы бесповоротно решить, что очень сильно ошибаются экономические материалисты, открытые г. Кареевым!

А сторонники материалистического понимания истории? Вот тут дело совсем другое. Их не смутит этой сценой, и не смутит именно потому, что они вовсе не согласны с экономическими материалистами, открытыми г. Кареевым, относительно значения экономического фактора. Сторонники материалистического понимания истории скажут: если бы изображенный Г.И. Успенским молодой сектант

совершенно даже не склонялся к экономическому материализму, в смысле г. Кареева, если бы он совсем не думал о полушубках, довольстве и сытом житье, если бы все его думы целиком сосредоточивались на одном «мученике Мироне», то он все-таки не перестал бы быть продуктом окружающей его общественной среды, которая в последнем счете создается развитием производительных сил, определяющим собою взаимные отношения людей в общественном процессе производства. Это, как видите, совсем не похоже на тот взгляд, который г. Кареев приписал своим экономическим материалистам. Не похоже это и на придуманное г. Михайловским саморазвитие форм производства и обмена. Впрочем, об этом саморазвитии речь впереди.

II

Фельетонист «Русского Богатства» замечает, что в своей статье о материалистическом понимании истории я, преследуемый мыслью о необходимости ущипнуть гг. Кареева, Кудрина, Кривенко и, наконец, самого г. Михайловского, не удостоил хотя бы только упомянуть о роли способов производства и форм обмена, «этом достаточно, кажется, важном пункте в материалистическом понимании истории»¹. Я очень прошу читателя внимательно отнестись к этому замечанию г. Михайловского. Оно чрезвычайно важно.

Излагая взгляд Лабриола, с которым я в данном случае совершенно согласен, я говорю: «Люди делают свою историю, стремясь удовлетворить свои нужды. Нужды эти даются первоначально, конечно, природой; но затем значительно изменяются, в количественном и качественном отношениях, свойствами искусственной среды. Находящиеся в распоряжении людей производительные силы обуславливают собою все их общественные отношения. Прежде всего состоянием производительных сил определяются те отношения, в которые люди становятся друг к другу в общественном процессе производства, т.е. *экономические отношения*. Эти отношения, естественно, создают известные интересы, которые находят свое выражение *в праве*: «Каждая правовая норма защищает определенный интерес», – говорит Лабриола. – Развитие производительных сил, создает разделение общества на классы, интересы которых не только различны, но во многих, – и притом самых существенных отношениях, – диаметрально противоположны. Эта противоположность интересов порождает враждебные столкновения между общественными классами, их борьбу. Борьба приводит к замене *родовой* организации *государственной*, задача которой заключается в охранении господствующих интересов. Наконец, на почве общественных отношений, обуславливаемых данным состоянием производительных сил, вырастает обычная *нравственность*, т.е. та нравственность, которая руководит людьми в их обычной житейской практике».

¹ Михайловский Н.К. Полн. собр. соч. Т. VIII. СПб., 1914. С. 694.

Г. Михайловский читает это, но он не находит тут слов: способы производства и формы обмена, и потому он не удовлетворен; он недоумевает, куда я девал «этот достаточно, кажется, важный пункт». Но что же такое этот пункт? Что такое способы производства и формы обмена? Это именно те отношения, в которые люди становятся друг к другу в общественном процессе производства и о которых идет у меня речь. Стало быть, я «удостоил» упомянуть об этом «достаточно, кажется, важном пункте»? Очевидно – не только удостоил, но и воздал ему должное, указав на его решающее значение. Почему же недоумевает г. Михайловский? *Потому, что я употребил не те слова, которые он заучил.* Если бы он знал, какое понятие связывается с этими словами, то он, конечно, сейчас же понял бы, что я говорю именно о способах производства и о (вытекающих из них) формах обмена. Но он заучил *только слова*, оставаясь в полной неизвестности насчет их смысла. Поэтому он немедленно попал впросак, как только я заговорил другими словами! Вот так оказия! Как тут не воскликнуть с Бобчинским: Чрезвычайное происшествие! И как не прибавить с Добчинским: Неожиданное известие! По поводу моих щипков г. Михайловский вспоминает анекдот о танцоре, умевшем танцевать только *от печки*. Мне сдается, что он гораздо больше походит на этого танцора. В самом деле заучить на память известные слова, *не понимая их смысла*, требовать от своих противников, чтобы они всегда говорили именно этими, бессмысленно заученными словами, и сбиваться с толку, когда они иначе выражают те же самые понятия, именно это-то и называется танцевать только от печки и не быть в состоянии двинуть ногою в том случае, когда вместо печки приходится поместиться, например, около двери. Ай-ай-ай! Ну и попался же г. Михайловский!

«К нам неоднократно, устно и письменно, обращались с вопросом, почему мы оставляем без возражения многочисленные выходки журнала «Новое Слово» против нашего журнала или его отдельных сотрудников»¹ говорит г. Михайловский.

Надо думать, что после отмеченного нами происшествия его уже никто не станет побуждать к полемике снами. Теперь уже всякий увидит, что в этой полемике он может только орудовать словами. Правда, еще известный Лисков говорил, что «гораздо легче и естественнее писать пальцами, чем головой». Но Лисков любил парадоксы; этот чудаку уверял, например, что лучше всех пишет тот, кто совсем не думает. С этим, наверное, не согласятся те наивные люди (может быть, «субъективные юноши»?), которые зывали к г. Михайловскому: «выдыбай, боже!».

В своем знаменитом предисловии к книге «К критике политической экономии» Маркс говорит: «В общественном производстве своей жизни люди наталкиваются на известные, необходимые, от их воли не зависящие отношения – *отношения производства*, которые соответствуют определенной степени развития их материальных производительных сил. Совокупность этих отношений производства составляет *экономическую структуру* общества, реальную основу, на которой возвышается юридическая и политическая надстройка».

¹ Михайловский Н.К. Полн. собр. соч. Т. VIII. СПб., 1914. С. 688.

Вы видите, г. Михайловский, что Маркс тоже не удостоил хотя бы только упомянуть о роли способов производства и форм обмена, этом достаточно, кажется, важном пункте и проч. Что же это значит? Но было ли у него при этом каких-нибудь скрытых побуждений? Не собирался ли и он переходить на ту точку зрения, на которую впоследствии стали русские субъективисты? Советую вам исследовать этот вопрос, г. Михайловский.

А пока что я обращаю внимание читателя вот на какое обстоятельство. Маркс называет экономической структурой общества совокупность отношений производства. Но эти отношения суть не что иное, как взаимные отношения людей в общественном производительном процессе. Значит, всякое изменение отношений производства *есть изменение отношений, существующих между людьми*. Поэтому совершенно нелепо говорить о «саморазвитии» этих отношений, которое совершается будто бы «само собою», без участия людей. А г. Михайловский говорит именно о таком «саморазвитии»¹.

Из этого видно, как хорошо понимает он того Маркса, историческую теорию которого он когда-то пытался опровергнуть.

Саморазвитие способов производства и форм обмена есть бессмысленный набор слов. А между тем понятие «экономический фактор» совершенно покрывается у г. Михайловского понятием: «саморазвитие форм производства и обмена». Стало быть, экономический фактор, *как его понимает г. Михайловский*, есть простая бессмыслица. Ну, а бессмыслицу я, разумеется, не могу считать господствующей силой в истории.

Г. Михайловский принадлежит, как известно, к числу тех людей, которые уверяют, что, оспаривая *историческую* теорию Маркса, они в то же время вполне признают *экономическое* его учение. Но такое различие возможно только для тех, которые не понимают ни исторической теории, ни экономического учения немецкого мыслителя. Почему? А вот почему.

Что такое стоимость? По Марксу, это есть общественное отношение производства. На первый взгляд, это, может быть, несколько неясно, но это очень просто для того, кто понял *историческую теорию* автора «Капитала».

Мы уже знаем, что в процессе производства люди становятся в те или другие взаимные отношения, определяемые состоянием производительных сил. На известной стадии развития этих сил производители становятся в такие отношения друг к другу, при которых продукты их труда являются в виде *товаров*. Товар А обменивается на такое-то количество товара В, такое-то количество товара С и т.д.; он имеет известную меновую стоимость. Но товары – продукты *труда*, и их взаимные отношения в *процессе обмена* выражают собою лишь взаимные отношения *трудящихся* (т.е. товаропроизводителей) в общественном *процессе производства*. Следовательно, стоимость данного товара выражает лишь отношение

¹ Он говорит собственно о саморазвитии способов производства и форм обмена. Но мы уже знаем, что эти способы и формы и составляют то, что называется взаимными отношениями людей в процессе производства.

труда его производителя к общему производительному процессу. Это и значит, что стоимость есть общественное отношение производства. А между тем стоимость рассматривается часто как свойство, принадлежащее самой вещи. Это иллюзия. Но на известной стадии развития производительных сил эта иллюзия совершенно неизбежна.

А капитал? Капитал есть меновая стоимость, одаренная способностью к возрастанию. Известно, что капитал, не приносящий дохода, считается *мертвым* капиталом. Стало быть, эта способность приносить доход есть важнейшая отличительная черта *живого* капитала. Но если меновые отношения товаров выражают собою взаимные отношения производителей в общественном процессе производства, то и капитал, – меновая стоимость, порождающая новую стоимость, – не может представлять собою что-либо другое, кроме общественных отношений производителей. Поэтому Маркс говорит, что капитал тоже есть общественное отношение производства и именно отношение, свойственное буржуазному обществу, *буржуазное* отношение производства. Это отношение характеризуется тем, что рабочий продает предпринимателю свою рабочую силу. Всем известно, с какою целью покупает ее капиталист: в процессе производства работник создает стоимость, превышающую расход на покупку его рабочей силы; разность между новой, созданной работником, стоимостью и стоимостью его заработной платы называется прибавочной стоимостью. Она принадлежит предпринимателю и служит источником его *дохода*. Таким образом, способность капитала приносить доход объясняется свойственными буржуазному обществу отношениями *людей* в процессе производства. Но свойства этих производственных *отношений* кажутся свойствами *вещей*, т.е. свойствами принадлежащих капиталисту средств производства. На известной стадии развития производительных сил это тоже неизбежная иллюзия.

Тайна такого рода иллюзий впервые была разоблачена Марксом. Но разоблачить ее – значит показать, каким образом ход идей определяется ходом общественных отношений. В самом деле, если на известной стадии своего развития экономические отношения производства необходимо отражаются в человеческих головах в виде свойств вещей, и если, – как это говорит Маркс, – экономические отношения не падают с неба в готовом виде, а создаются развитием общественных производительных сил, то выходит, что известному состоянию этих сил соответствуют известные взгляды. Кто разделяет экономическую теорию Маркса, тот не может отказаться от этого вывода, а кто признал этот вывод, тот уже довольно далеко ушел в деле материалистического объяснения истории.

Г. Михайловский думает, что нет необходимой связи между экономическими взглядами Маркса и его исторической теорией. Внимательный читатель очень хорошо видит теперь, почему думает так г. Михайловский: по той простой причине, что он совсем не понял экономических взглядов Маркса. Человек, даже и не подозревающий того, что способы производства и формы обмена именно суть взаимные отношения людей в общественном процессе производства, понимает кого вам угодно и что вам угодно, но только не Маркса и не его экономическое учение.

III

Г. Михайловский не без ехидства замечает: в самой статье г. Каменского ни одним словом не упоминается, есть ли в книге Лабриола страницы, посвященные оценке исторической концепции Маркса – Энгельса. Казалось бы, об этом следовало хоть вскользь упомянуть, но г. Каменский предпочитает тратить время на «щипки».

Как относятся исторические взгляды Лабриола к «исторической концепции Маркса – Энгельса»? Очень просто: они совпадают с нею. Кто хоть отчасти понимает названную «концепцию», тот ни на минуту не усомнится в этом, прочитав приведенный мною выше отрывок из моего изложения исторических взглядов римского профессора. Если же г. Михайловский находится в полном недоумении на этот счет, то из этого еще раз видно, как хорошо выяснил он себе то учение, оспаривать которое он считает своим нравственным долгом.

Г. Михайловский не узнал «исторической концепции Маркса – Энгельса» только потому, что не встретил в ее изложении некоторых, без толку заученных им слов. Это неприятное приключение. Поэтому он, может быть, постарается свалить свою вину на меня; он скажет, пожалуй, нам: зачем же вы одели мысль Лабриола в незнакомую мне одежду? Отчего вы прямо не сказали, что этот писатель принадлежит к числу *итальянских учеников*? На это я отвечу, что всякий волен выражаться, как он хочет, если только его слова правильно передают мысль, подлежащую передаче. А, кроме того, у меня могли быть особые побуждения. Может быть, я предвидел замечание г. Михайловского и хотел показать всей читающей публике, что если он заучил некоторые из наших терминов, то он совсем не понимает их значения. Если у меня, действительно, был такой расчет, то всякий согласится, что он блистательно оправдался.

Пойдем дальше. Совокупность отношений производства составляет экономическую структуру общества. Экономическая структура определяется состоянием производительных сил. «Из этого видно, – справедливо замечает г. Бельтов на 173 стр. своей книги, что только в популярной речи можно говорить об экономии, как о *первичной причине* всех общественных явлений. Далекая от того, чтобы быть *первичной причиной*, она сама есть следствие, функция производительных сил».

Это же говорю и я в статье по поводу книги Лабриола: «По учению новейших материалистов человеческой природе соответствует всякий экономический порядок, соответствующий состоянию производительных сил в данное время. И, наоборот, любой экономический порядок начинает противоречить требованиям этой природы, едва только он приходит в противоречие с состоянием производительных сил. «Господствующий» фактор сам оказывается, таким образом, *подчиненным* другому фактору. Ну, а после этого какой же он «*господствующий*»?».

Это крайне важный «пункт» и исторической «концепции» современных материалистов, на нем полезно остановиться. Если бы экономические отношения были последней, основной причиной общественных явлений, то невозможно было бы

понять, почему же изменяются эти отношения. Правда, г. Михайловский придумал их «саморазвитие», но это слово ровно ничего не означает и не объясняет, так как никакое саморазвитие не может происходить без достаточной причины. В действительности экономические отношения обуславливаются состоянием производительных сил и *изменяются благодаря* изменению этого состояния. Всякая данная совокупность отношений производства прочна лишь там и до тех пор, пока она соответствует состоянию общественных производительных сил; когда исчезает это соответствие, уничтожаются и данные отношения производства, – данная экономическая структура, – уступая место новой совокупности отношений. Разумеется, всякая данная экономическая структура не сразу перестает соответствовать состоянию общественных производительных сил: это целый процесс, совершающийся, смотря по обстоятельствам, с большею или меньшею быстротою. Орудием устранения отжившей экономической структуры служит политический «фактор». Развитие общественных производительных сил с течением времени делает неудобной, стеснительной для большинства данную экономическую структуру, т.е. данную систему взаимных отношений людей в общественном процессе производства. По мере того, как растут неудобства этой системы, увеличивается число людей, недовольных ею, растет партия новаторов, другими словами – изменяются взаимные отношения людей и в области политической жизни. Когда это изменение достигает известной степени, начинается процесс переделки старой экономической структуры, процесс, быстрота и интенсивность которого тоже далеко не всегда одинаковы. Отсюда, между прочим, опять видно, почему ничто в общественной жизни не совершается «само собою», а все предполагает деятельность общественного человека.

IV

Так представляется дело с точки зрения современного диалектического материализма, но выражение: диалектический материализм тоже смущает г. Михайловского. «Г. Каменский, – замечает он, – везде говорит о «диалектическом материализме», последовательным, хотя в частностях и заблуждающимся представителем которою является Лабриола. И только из лаконического подстрочного примечания мы узнаем, что «Лабриола дает ему («диалектическому материализму») заимствованное у Энгельса название – *исторический материализм*».

Из этого следует, кажется, заключить, что термин «диалектический материализм» совершенно отсутствует в книге Лабриола. Конечно, имя вещи не меняет, но мы сейчас увидим, что сам г. Каменский приводит пример путаницы, связанной с употреблением того или другого прилагательного к существительному «материализм». И для читателя совершенно неясно, почему и зачем подменяется одно прилагательное другим. В упомянутом лаконическом подстрочном примечании говорится, что название «исторический материализм» *заимствовано* у Энгельса, но

значит ли это, что Лабриола прямо «заимствовал» с указанием источника, или это простое совпадение, а собственно «заимствование» есть догадка г. Каменского?» Термин «диалектический материализм» совершенно отсутствует в книге Лабриола. Но это не мешает римскому профессору быть последователем диалектического материализма.

Почему я так думаю? По многим причинам. Назову одну из них: прочитав книгу Лабриола, я знаю его взгляды, а кроме того я знаю, что такое диалектический материализм. Г. Михайловский названной книги не читал, но уже одни те строки, которые я выписал выше из моей статьи о ней, ясно показывают, что Лабриола есть итальянский «ученик», а кто же не знает, что учителя «учеников» были самыми видными представителями диалектического материализма? Впрочем, этого, кажется, не знает г. Михайловский. Поэтому я укажу ему на следующие слова Энгельса: «Уразумение полной ошибочности господствовавшего до тех пор в Германии идеализма должно было неизбежно привести к материализму, но, само собой разумеется, не к простому метафизическому, исключительно механическому материализму XVIII века. В противоположность наивно революционному, простому отрицанию всей протекшей истории современный материализм видит в истории процесс развития человечества, причем его задачей является открытие законов движения этого процесса. В противоположность господствовавшему у французов XVIII века и еще у Гегеля представлению о природе, как о всегда себе равном целом, неизменно вращающемся в одних и тех же ограниченных пределах, с вечными мировыми телами, как учил о них Ньютон, и с неизменными органическими видами, как учил о них Линней, современный материализм связывает в одну систему все новейшие успехи естествознания, благодаря которым стало ясно, что природа также имеет свою историю во времени, что небесные тела, как и все виды организмов, населяющие их при благоприятных условиях, возникают и исчезают и что вообще природа движется далеко не в таком тесном круге, как думали раньше. В обоих случаях материализм является существенно диалектическим и делает излишней всякую философию, предъявляющую претензию стать выше других, иную»¹.

Теперь г. Михайловский видит, что, по мнению Энгельса, современный материализм есть именно материализм *диалектический*. Трудно усомниться в том, что Энгельс был приверженцем этого материализма, но я хочу устранить всякую возможность такого сомнения. Вот собственное признание Энгельса. «Marx und ich waren whol ziemlich die einzigen, die aus der deutschen idealistischen Philosophie die bewusste Dialektik in die materialistische Auffassung der Natur und Geschichte hinübergerettet haben»². Г. Михайловский спросит: а что же означает выражение

¹ Энгельс Ф. Развитие социализма от утопии к науке // Маркс К., Энгельс Ф. Избран. произведения. Т. II. М.: Госполитиздат, 1955. С. 124.

² «Маркс и я были едва ли не единственными людьми, которые спасли из немецкой идеалистической философии сознательную диалектику и перевели ее в материалистическое понимание природы и истории».

исторический материализм, употреблявшееся иногда Энгельсом и заимствованное у него Лабриола? Я растолкую ему и это. Материалистическое мирозерцание Маркса – Энгельса охватывало – как мы только что видели – и природу, и историю. И в том, и в другом случае оно было *«существенно диалектическим»*. Но, поскольку диалектический материализм касался истории, Энгельс называл его иногда *историческим*. Этот эпитет не характеризует материализма, а лишь обозначает одну из тех областей, к объяснению которых он применяется. Что может быть проще этого?

У Г.И. Успенского в «Разореньи» фигурирует пожилой чиновник Павел Иванович Печкин, у которого под неожиданным напором новых жизненных явлений ужасно перепутались все понятия и представления, вследствие чего он уже не рассуждал и не спорил, а просто кстати и некстати изрекал какую-то «сердитую чушь». Зайдет, например, речь о железной дороге – Печкин брюзжит: «Железная дорога! Ну что такое железная дорога? Железная дорога, железная дорога! А что такое? В чем дело?.. неизвестно!». В последнее время г. Михайловский начинает обнаруживать довольно сильное сходство с этим чиновником. Он брюзжит совершенно как Павел Иванович: «Диалектический материализм! Ну что такое диалектический материализм? Диалектический материализм, диалектический материализм! А что такое? В чем дело?.. неизвестно!». Печкин нес свою сердитую чушь оттого, что голова его была, по выражению Г.И. Успенского, *разорена современностью до последней возможности*. Неужели голова г. Михайловского находится в том же печальном положении?

Название: диалектические материалисты, кажет *«неуклюжим»*. Может быть, это и так, но легко избежать его употребления; можно сказать просто: современные материалисты. Если я до сих пор редко пользовался этим термином, то потому, что считал нужным оттенить и подчеркнуть характер современного материализма. Теперь эта цель, надеюсь, достигнута; поэтому теперь вместо диалектический материализм, диалектические материалисты я могу говорить: современный материализм, современные материалисты.

Замечу также, что в терминологии г. Михайловский плохой судья. Еще не так давно он осуждал термин: *«производители»*, – конюшной, мол, пахнет?! Что прикажете возразить на это? Со времени выхода сен-симонистского журнала «Le producteur» («Производитель») в 1825 году термин этот беспрестанно употребляется в Западной Европе и никому конюшни не напоминает¹. А вот в уме нашего «кающегося дворянина» он вызывает представление о конюшне. Но винить в этом нужно не термин, а, вероятно, воспитание кающегося дворянина.

¹ Плеханов Г.В. Избранные философские произведения: в 5-ти т. Т. 2. М., 1956. С. 753-754.

V

Я говорю в своей статье, что, по мнению г. Михайловского, Луи Блан и г. Ю. Жуковский были такими же «экономическими материалистами», как и нынешние наши сторонники материалистического понимания истории, и что такое мнение может основываться лишь на *крайнем смешении понятий*. Г. Михайловский с обычною своею мягкостью возражает: «Это – *неправда* (курсив его), я такого мнения не высказывал». Нет, г. Михайловский, вы его высказали. Вот ваши подлинные слова. «Г. Бельтов говорит о французских историках и о французских «утопистах», оценивая тех и других в меру их понимания или непонимания экономики, как фундамента общественного здания. Станным, однако, образом он совсем не упоминает при этом о Луи Блане, хотя одного предисловия в «Histoire de dix ans»¹ достаточно, чтобы предоставить ему почетное место в ряду первоучителей так называемого экономического материализма. Конечно, тут много такого, с чем г. Бельтов согласиться не может, но тут есть и борьба классов, и характеристика их экономическими признаками, и экономика как скрытая пружина политики, вообще многое, что *позже* вошло в состав доктрины, так горячо защищаемой г. Бельтовым. Я потому отмечаю этот пробел, что он, во-первых, и сам по себе удивителен и намекает на какие-то побочные цели, не имеющие ничего общего с беспристрастием».

Луи Блану принадлежит почетное место в ряду «*первоучителей*» так называемого экономического материализма. Прекрасно. Что понимает г. Михайловский под словами: экономический материализм? «Историческую концепцию Маркса Энгельса». Отсюда следует, что Луи Блан был одним из отцов этой «концепции». А нынешние наши сторонники материалистического понимания истории придерживаются именно этой «концепции». Стало быть, они такие же экономические материалисты, как и Луи Блан, которому будто бы принадлежит почетное место в ряду их первоучителей. Кто же из нас говорит «*неправду*»? (курсив на этот раз мой)?

Зная г. Михайловского, я наперед знаю также, каким путем он захочет выйти из неудобного для него положения. Он скажет: но ведь я же прибавил, что у Луи Блана много такого, с чем г. Бельтов согласиться не может, а это значит, что, будучи одним из первоучителей экономического материализма, он все-таки не был таким же экономическим материалистом, как экономические материалисты. У г. Михайловского всегда так выходит, как поется в одной французской песенке:

Четыре братца хотели драться,
Из них ни старший, ни меньшей,
Ни средний – в драку ни ногой;
Четвертый рассудил: на лешего мне драться,
Но если разобраться,
То все четыре братца хотели драться.

(Перев. С. Хмельницкого)

¹ «История десяти лет»

Но подобная логика способна убедить лишь того, кто во что бы то ни стало хочет быть убежденным, т.е. кого не надо и убеждать. Ссылка на «многое такое» совсем не доказательна ввиду сопровождающих ее собственных слов г. Михайловского: но тут есть и борьба классов, и характеристика их экономическими признаками, и экономика, как скрытая пружина политики, вообще многое, что *позже* вошло и состав доктрины, так горячо защищаемой г. Бельтовым. Этим словам нельзя понять иначе, чем понял их я, т.е. в том смысле, что, поскольку у Луи Блана есть и характеристика классов экономическими признаками, и экономика, как скрытая пружина, и проч., он был таким же экономическим материалистом, как и нынешние наши сторонники материалистического взгляда на историю. Но я понял также, что, говоря это, г. Михайловский страшно заблуждается, потому что существует огромнейшая, существенная разница между историческими взглядами Луи Блана и «исторической концепцией» современных материалистов. Эта «концепция» имеет ярко и последовательно выраженный *материалистический* характер, а «экономический материализм» Луи Блана не мешал ему смотреть на историю глазами *идеалиста*. И если, несмотря на это, г. Михайловский отнес Луи Блана к числу первоучителей «экономического материализма», – под которым он понимает современное материалистическое объяснение истории, – то он блестяще доказал этим свое полное незнание с делом.

«Экономика, как скрытая пружина», «характеристика классов экономическими признаками» и прочие «признаки», на основании которых г. Михайловский отнес Луи Блана к числу «первоучителей экономического материализма», встречаются все вместе и каждый в отдельности еще у французских историков времен реставрации: у Огюстена Тьерри, у Миньеи, особенно у Гизо. Так как г. Михайловскому, очевидно, совершенно неизвестно все это, то я готов сообщить ему кое-какие полезные сведения по этой части.

Гизо принимал, как известно, деятельнейшее участие в общественном движении, составляющем главную отличительную черту внутренней истории Франции в эпоху реставрации и сводящемся к борьбе буржуазии с духовной и светской аристократией, которая пыталась вернуть свое привилегированное положение, разрушенное революцией.

Гизо прекрасно понимал смысл этого движения. В его глазах оно было лишь последним заключительным эпизодом борьбы классов, продолжавшейся в течение многих столетий. Горячие политические споры, которые велись в тогдашней палате, представлялись Гизо все той же многовековой тяжбой «среднего класса» с дворянством. Его собственные симпатии всецело были на стороне буржуазии. И он служил ей всеми силами, всем сердцем и всем помышлением, поощряя ее вести борьбу до конца. События конца прошлого века были войною, – говорил он, – эта война привела к завоеванию; средний класс завоевал себе достойное его положение; он должен сохранить свое завоевание во что бы то ни стало. Никакое примирение между средним классом и аристократией невозможно до тех пор, пока

она не помирится с фактом этого завоевания¹. На этом основании некоторые сторонники старого порядка обвинили его в том, что он заговорил о борьбе классов будто бы с целью разжигания страстей. Он красноречиво и убедительно доказывает там, что борьба классов не теория, а факт. «Выразив этот факт, – продолжает он, – я был как нельзя более далек от той мысли, что я сделал открытие или сказал что-нибудь новое. Я хотел только резюмировать политическую историю Франции. Сословная борьба наполняет, или, вернее, составляет (sic!), всю эту историю. Это было известно, и об этом говорили за много столетий до революции. Это знали, и об этом говорили в 1789 году. Это знали, и об этом говорили три месяца тому назад (писано в 1820 году). И хотя меня обвиняют теперь в том, что я это сказал, и не думаю, однако, что кто-нибудь позабыл это. Факты не уничтожаются по прихоти и для удобства партий...»²

Далее он саркастически замечает, что отрицание факта сословной борьбы во Франции привело бы в крайнее изумление старого французского историка де-Булэнвиллье, равно как и всех тех мужественных представителей третьего сословия, которые отстаивали его права на собраниях генеральных штатов. По его мнению, только выродившиеся потомки аристократии могли отрицать, что их класс был когда-то господином Франции и вел энергичную войну для защиты своего привилегированного положения.

Тут достаточно ярко выразился взгляд Гизо на экономику, как скрытую пружину политики; может быть, г. Михайловскому угодно знать, есть ли у Гизо характеристика классов экономическими признаками? На этот счет никакие сомнения невозможны; а вот взгляд Гизо на «скрытую пружину», обуславливающую распространение в данном обществе тех или других идей, очень мало известен, и на него указать не мешает. Взгляд этот выражается в следующих словах французского историка: «Идеи, учения, даже конституции подчиняются обстоятельствам и добиваются признания лишь тогда, когда служат орудием или гарантией насущных интересов, сильно давших себя почувствовать»³.

Оказывается, что и Гизо был одним из «первоучителей экономического материализма». Что вы скажете об этом, г. Михайловский? И не потрудитесь ли вы объяснить нам, чем отличается «историческая концепция» бывшего министра Луи-Филиппа от таковой же «концепции» автора «Капитала»? Вы опять скажете, что, несмотря на все указанные мною «пружины» и «признаки», у Гизо все-таки было «много такого», с чем не могут согласиться нынешние наши последователи материалистического взгляда на историю? Вы будете правы. Но, во-первых, я отвечу вам, что если это «многое такое» не помешало Луи Блану принадлежать к числу первоучителей, то оно не может помешать в этом и Гизо. А во-вторых, я посоветую вам вдуматься в то «многое такое», что отличает исторические взгляды Луи Блана

¹ Гизо Ф. О правительстве Франции в период Реставрации и нынешнего министерства. Париж, 1820.

² Цитата из указ. выше соч. Париж 1820. Предисловие к 3-му изд. С. 6.

³ Там же. С. 91.

и Гизо от «исторической концепции Маркса – Энгельса». Если вы последуете моему совету, то вы и сами увидите, что в основе всего этого «многого такого» лежит убеждение в том, что развитие общественных отношений и учреждений объясняется в последнем счете *свойствами человеческой природы*. Вы, может быть, уже запомнили теперь, г. Михайловский, что по смыслу «исторической концепции» современных материалистов дело не в человеческой природе, а в тех взаимных отношениях, в которые становятся люди благодаря состоянию своих производительных сил. Эго полезно запомнить. Это, можно сказать, именно тот «достаточно, кажется, важный пункт», который отличает «историческую концепцию» современных материалистов от всех старых концепций. Вот этот-то пункт и не позволяет отнести Луи Блана и Гизо к числу «первоучителей» того материализма, который, как мы уже знаем, имеет существенно диалектический характер.

Если г. Михайловский встретит человека, толкующего об «экономии, как скрытой пружине политики», который характеризует классы экономическими признаками (впрочем, иначе их никто не характеризует), который думает, подобно Гизо, что историю составляет борьба классов, но который вместе с тем *не знает, откуда берется сама «экономия»*, и старается объяснить ее происхождение и развитие свойствами человеческой природы, то пусть наш субъективист называет его как угодно, но пусть он помнит в то же время, что основная точка зрения этого человека противоположна точке зрения современного диалектического материализма.

Взять хотя бы г. Жуковского. Г. Михайловский не знает, куда его зачислить: «в экономические или диалектические материалисты». Это незнание опять обуславливается тем, что наш субъективист не понимает диалектического материализма. А если бы он понимал его, то ему достаточно было бы спросить себя: объясняет ли г. Жуковский происхождение и развитие общественно-экономических отношений развитием производительных сил? Если из сочинений этого писателя видно, что – да, то г. Михайловский, ни минуты не колеблясь, должен назвать его диалектическим материалистом; а если – нет, то называть его так можно только по недоразумению. Я думаю, что в сочинениях г. Жуковского совсем нельзя найти указанного мною признака, и я останусь в этом убеждении до тех пор, пока мой противник не докажет мне противного. Думаю, что он этого никогда не докажет. А если бы доказал? Это не имело бы никакого влияния на ход и исход нашего спора.

Наивная Гретхен не знала, что иногда «несколько иные слова» коренным образом изменяют все дело¹. Не знает этого, по-видимому, и еще кое-кто.

Я не помню той «старой статьи» г. Жуковского, но выписки, сделанные из нее в статье г. Михайловского, дают повод думать, что он говорит о факторах *«несколько иными словами»*, чем говорю я.

Вот что читаем мы у г. Михайловского: «Указав на три элемента, «определяющих в каждое данное время гражданское сознание общества», – юридический, политический и экономический, – г. Жуковский продолжает: юристы, политики

¹ Плеханов имеет в виду слова Маргариты из «Фуст» Гете: Нам это Патер также объясняет немного лишь в других словах.

и экономисты забывают, что «каждый из них изучает одну *только произвольную отвлеченную сторону общества*, которая может быть обособлена в видах удобства самого изучения только условно и не имеет реальной самостоятельности и, следовательно, немыслима сама по себе, и имеет этот смысл только в общей связи с другими». И далее: «Рассуждая над обществом чисто теоретически, можно *отвлекать* одну сторону от другой, можно выставить на вид выводы и требования одной какой-либо стороны. Но было бы крайним заблуждением» и т.д.

VI

Но пора вернуться к вопросу о «факторах».

Мы знаем, что по учению современных материалистов экономические отношения всякого данного общества обуславливаются не свойствами человеческой природы, а состоянием общественных производительных сил. Вместе с ростом этих сил изменяются и общественно-экономические отношения. С переменой этих отношений изменяется и природа общественного человека. *А с изменением этой природы изменяется и взаимное отношение различных факторов общественной жизни.* Это крайне важный «пункт»; можно сказать, что кто его понял, тот понял все дело.

Допустим сначала, что существуют только два фактора: материальный, или экономический, удовлетворяющий потребности «тела», и духовный, удовлетворяющий потребности «духа»¹. Как влияет развитие производительных сил на их взаимное отношение?

Для простоты мы предположим также, что это развитие не ведет к разделению общества на классы.

Производительные силы, находящиеся в распоряжении первобытного человека, крайне слабы; поэтому самая главная часть его времени уходит на заботу о простом поддержании своей физической жизни. Над ним, стало быть, вполне господствует «экономический фактор». Но по мере того, как растут его производительные силы, у него, за удовлетворением потребностей «тела», остается все больше и больше свободного времени, которым он может воспользоваться к интересам «духа»: он употребляет это время на занятия наукой, искусством и т.д. Таким образом, можно сказать, что по мере развития производительных сил духовный фактор все более и более усиливается и что, следовательно, сама история берет на себя труд опровержения «экономического материализма».

Так было бы, если бы развитие производительных сил не вело к разделению общества на классы. Но ведь это произвольное предположение. А как бывает в действительности? В действительности развитие производительных сил разрушает первобытное равенство, создает богачей и бедняков. У бедняков, как и у

¹ Михайловский Н.К. Полн. собр. соч. Т. VIII. СПб., 1914. С. 695. Излишне напоминать читателю, что я держусь здесь терминологии г. Кареева.

первобытных дикарей, очень мало времени для удовлетворения потребностей «духа». Экономический фактор по необходимости занимает все поле их зрения, и когда какой-нибудь старой вдове случается потерять единственного сына, она выражает свое горе приблизительно такими словами:

Кто приголубит старушку безродную?
Вся обнищала вконец!
В осень ненастную, и зиму холодную кто запасет мне дровец?
Кто, как изнашивается теплая шубушка,
Зайчиков новых набьет?
Умер, Касьяновна, умор, голубушка, –
Даром ружье пропадет!

А богатые или хотя бы просто обеспеченные люди? Экономический фактор не занимает у них всего поля зрения, и у них родительское горе выражается не так, а, например, хоть следующим образом.

О, сколько вечеров, сияюще прелестных
Прошло у нас зимой в беседах интересных:
И суть истории, и свойства языка...
Все четверо детей – под ласковым началом
Их матери – со мной... Друзья у камелька...
Я это называл – «довольствоваться малым!»
И вот – она ушла... О боже!.. Умерла!
Ее печаль всегда печалью мне была.
И тяжело было мне в веселье шумном бала,
Когда она меня печально отпускала.

(Перевод Т.Л. Щепкиной-Куперник)

Это не значит, конечно, что богатые или просто обеспеченные люди любят своих близких больше, чем бедняки. Нет, дело тут виной ассоциации впечатлений. У Некрасовской старухи ее привязанность к сыну ассоциировалась с «шубушкой», «зайчиками» и т.п. потому, что его любовь к ней постоянно проявлялась в заботах об удовлетворении потребностей ее «тела». Они были бедны, а бедняк должен погибнуть, если он сам не может трудиться и если у него нет близких людей, готовых поддержать его своим трудом. Если бы Некрасовская старуха была богата, то любовь к ней ее сына не проявлялась бы в заботах о насущнейших потребностях ее «тела»: эти потребности удовлетворялись бы посредством денег, и нежная заботливость ее сына направлялась бы на удовлетворение тех или иных потребностей ее «духа». И если бы он умер раньше ее, то у нее не было бы никакого повода вспоминать о нем по поводу «дровец» или «шубушки». Но зато она тем чаще вспоминала бы об его почтительности или о том, как он ласкался к ней в детстве, в то время когда она, «довольствуясь малым», т.е. не зная ровно никакой материальной нужды, тем свободнее предавалась нежному материнскому чувству. Повторяю, дело тут не в глубине или тонкости чувств, а в ассоциации впечатлений, которая зависит

от большей или меньшей степени зажиточности, т.е. от *экономической причины*. Как бы то ни было, несомненно, что при разделении общества на классы экономический фактор играет неодинаковую роль в жизни людей, принадлежащих к различным классам, и что эта неодинаковость его роли определяется экономической структурой общества.

Это интересный вывод: роль экономического фактора определяется общественно-экономической структурой. Значит, экономическая структура и экономический фактор не одно и то же? Совсем нет, и крайне удивительно, как не поняли этого г. Кареев и его единомышленники.

Экономической структурой общества называется совокупность тех взаимных отношений, в которые становятся люди в процессе своей производительной деятельности. Эта их производительная деятельность имеет в виду не только потребности их «тела», как думает г. Кареев. Но если бы она действительно преследовала одну эту цель, то и тогда нелепо было бы отождествлять производительную деятельность людей с теми взаимными отношениями, в которые они становятся, занимаясь ею. Наши противники никак не могут понять, что, *когда мы говорим об экономической структуре, мы говорим именно об этих отношениях*.

Читателю уже известно, чем обуславливается экономическая структура общества. Она не есть причина самой себя. Но раз она существует, она определяет собой всю возвышающуюся над ней надстройку. И, несмотря на это, все-таки нельзя повсюду лезть с «*экономикой*» при объяснении общественных явлений.

В первой из своих статей о судьбах русской критики, я, стараясь выяснить г. Волынскому взгляд современных материалистов на развитие литературы и искусства, указал между прочим на французскую живопись. Вернемся к этому примеру.

Передо мной лежит фотография с знаменитой картины Давида¹.

Я спрашиваю себя: как возникла школа Давида из общественных отношений производства?

В интересах правильного решения этого вопроса надо помнить, что далеко не все части «надстройки» *непосредственно* вырастают из *экономической основы*: искусство связано с нею лишь *посредственно*. Поэтому в рассуждениях об искусстве необходимо принимать в соображение промежуточные инстанции. Посмотрим же, как решается заинтересовавший меня вопрос при посредстве промежуточных инстанций.

VII

Развитие экономических отношений во Франции выдвинуло третье сословие, которое по фактическому значению своему было «*всем*», а по правовому – «*ничем*». Это противоречие, естественно, вызывало в нем недовольство, которое, усиливаясь все более и более, породило в его лучших представителях стремление устранить старый порядок во что бы то ни стало. Раз явилось это стремление,

¹ «Ликторы приносят Бруту тела его сыновей».

должно было явиться и сознание того, что «дело веков поправлять не легко» и что устранение отжившего свой век порядка потребует много самоотвержения со стороны новаторов. Вместе с этим сознанием, – и как необходимое его следствие, – явилось сочувствие к людям, проявлявшим самоотверженную любовь к родине в другие эпохи и у других народов. Самые яркие примеры такой любви давала тогда история древнего мира. И вот передовые люди Франции обращаются к этой истории: вспомните рассказ m-me Роллан о том, как она в юности зачитывалась Плутархом. После этого уже нельзя удивляться тому, что Давид написал своего Брута; не удивителен и тот успех, который имела его картина; не удивительно, наконец, даже и то, что она была лишь выполнением официального заказа. Это последнее обстоятельство хорошо разъясняет Эрнест Шесно. «В последние годы царствования Людовика XVI, – говорит он, – всеобщее увлечение древними республиками вызвало в официальном мире живой интерес к художественному воспроизведению – в пластике, живописи и литературе – подвигам греческих и особенно римских героев. Уступая этому направлению французского вкуса господин Д'Анживиллье, директор всех королевских зданий, поручил Давиду нарисовать две картины, окончательно упрочившие его репутацию¹.

Д'Анживиллье был увлечен напором общественного мнения, а направление общественного мнения определилось тогдашними общественными отношениями Франции, которые, в свою очередь, созданы были развитием ее производительных сил, глубоко видоизменившим всю ее «экономику». Все это понятно, и Шесно справедливо замечает: «Давид точно отражал национальное чувство, которое рукоплескало своему собственному изображению. Он писал тех самых героев, которых публика принимала за образец; восторгаясь его картинами, она укрепляла свое восторженное отношение к этим героям. Отсюда – та легкость, с которой совершился в искусстве переворот, подобный перевороту, происходившему в нравах и в общественном строе»².

Указанные причины объясняют выбор Давидом сюжетов для своих картин. Но сделанный им переворот в искусстве, разумеется, не ограничивался этим выбором. Изменилось все отношение художников к своему искусству. Школа, против которой восстал Давид, отличалась страшной манерностью, слащавостью и вычурностью, дошедшими до последних пределов у Карла Ван-Лоо и его учеников. Художественная деятельность Давида была реакцией против этого вычурного и слащавого направления. Поэтому вычурность и слащавость заменились у него суровой простотой. Но где же он мог найти лучшие образцы такой простоты? Опять-таки в древности и опять преимущественно в римской древности, с которой были тогда гораздо лучше знакомы, чем с греческой. И вот Давид берет за образец древних. Но древняя живопись известна очень мало; для новейших народов искусством, наиболее ярко выражающим эстетические понятия древних, является скульптура. Легко показать, что этим обуславливаются все главнейшие недостат-

¹ Французская живопись XIX. 3-е изд. С. 10.

² Там же. С. 18.

ки школы Давида. Но мы не можем вдаваться здесь в подробности; скажем одно: именно благодаря этому обстоятельству каждая из «исторических» картин Давида представляет собою лишь большее или меньшее число прекрасно нарисованных статуй¹.

Этот коренной недостаток тотчас же был замечен, когда буржуазия прониклась другим настроением, завоевав себе новое положение во Франции. Но в восемнадцатом веке его никто не замечал, потому что он был тесно связан с указанным выше и важнейшим для того времени достоинством живописи Давида.

Можно сказать, пожалуй, как говорили не раз, что Давид и его ученики вообще лишены были нужного настоящему живописцу темперамента. *Этого* недостатка, конечно, нельзя объяснить ни предшествующим появлению Давида состоянием французской живописи, ни влиянием античного искусства. Но и он очень хорошо объясняется тогдашним *общественным* состоянием Франции, сильно способствовавшим развитию *рассудочности*, но неблагоприятным для развития *художественных* талантов. У Давида рассудочность совершенно преобладала над воображением, отчего он, разумеется, много терял как живописец. Живописцы-романтики, бесспорно, имели гораздо более художественную организацию, чем живописцы школы Давида. Но романтизм соответствует иной ступени общественного развития Франции.

Итак, переворот, совершенный в живописи Давидом, был лишь художественным выражением освободительной борьбы третьего сословия. Если я знаю, как относится это движение к развитию экономической структуры французского общества, то я умею связать с этим развитием и художественную деятельность Давида. Но непосредственное обращение к «экономике» ничего в ней не объясняет и могло бы явиться лишь плодом неясного понимания «исторической концепции» современных (*диалектических*, г. Михайловский) материалистов.

Чтобы покончить с вопросом о «факторах», я приведу еще пару примеров.

Революционная эпоха сразу выдвинула множество замечательных ораторов: Мирабо, Барнав, жирондисты и многие из монтаньяров были настоящими мастерами слова. У кого учились они своему искусству? У великих французских трагиков, доведших до совершенства «искусство красноречия». Таким образом, трагедия является в качестве «фактора», повлиявшего на развитие политического красноречия, которое было страшным оружием в руках тогдашних общественных деятелей. Другой пример. В конце XVIII-го и в начале XIX-го века французская литература подвергается сильнейшему влиянию со стороны политического «фактора», между тем как влияние на нее «экономики» очень мало заметно. Вот вам прекрасный случай для выражения вашего благородного негодования против неразумных

¹ Из этого видно, что искусство данной эпохи, как и всякая другая идеология, как и вся общественная психология, отражая общественные отношения, в то же время с формальной стороны тесно связано – в положительном или в отрицательном смысле – с искусством предшествующей эпохи или предшествующих эпох. Это всегда надо помнить при изучении истории идеологий.

«учеников», будто бы не признающих никакого другого «фактора», кроме «экономического». Но если, отведя душу горячей тирадой против них, вы захотите узнать, чем же обуславливается взаимное и – заметьте это! – постоянно изменяющееся отношение всех этих «факторов», то вы будете блуждать в потемках до тех пор, пока не обратитесь к тем же неприятным «ученикам», которые скажут вам вот что.

Данным состоянием производительных сил обуславливается известная экономическая структура общества. На этой структуре вырастают известные правовые и политические отношения. Совокупность всех этих отношений отражается в сознании людей и обуславливает собою их поведение. Иногда «экономика» влияет на поступки людей через посредство «политики», иногда через посредство философии, иногда через посредство искусства или какой-нибудь другой идеологии, и только по временам, *на позднейших ступенях общественного развития*, экономика является в сознании людей в своем собственном «экономическом» виде. Чаще всего она влияет на людей через посредство всех этих факторов вместе, причем их взаимное отношение, равно как и сила каждого из них в отдельности, зависит от того, какие именно общественные отношения выросли на данной экономической основе, что, в свою очередь, определяется характером этой основы.

На различных стадиях экономического развития общества всякая данная идеология в неодинаковой степени испытывает на себе влияние других идеологий. Вначале право подчиняется религии, затем – как, например, в XVIII-м веке – оно подпадает под влияние философии. Чтобы устранить влияние религии на право, философия должна была выдержать сильнейшую борьбу. Эта борьба представляется борьбой отвлеченных понятий, и нам кажется, что всякий данный «фактор» приобретает или утрачивает свое значение благодаря своей собственной силе и имманентным законам развития этой силы, между тем как на самом деле его судьба целиком определяется ходом развития общественных отношений.

До какой степени судьба всякого отдельного «фактора» зависит даже от второстепенных особенностей этих отношений, может показать сравнение французской революции с английской. Еще Гизо в предисловии к своей «*Histoire de la révolution d'Angleterre*» верно указал на то, что обе эти революции вышли из одних и тех же причин и имели одинаковые цели. Но одинаковые тенденции выразились в Англии не так, как во Франции. В первой из этих стран они приняли *религиозную*, а во второй – *философскую* окраску. Это различие в роли «факторов» произошло от некоторых второстепенных различий во взаимных отношениях общественных классов.

Выше мы предположили, что существует только два фактора. Теперь мы должны признать, что их очень много. Во-первых, каждая отдельная научная «дисциплина» имеет дело с отдельным «фактором». Во-вторых, и в отдельных дисциплинах можно насчитать по нескольку факторов. Фактор ли литература? Фактор. А драматическая поэзия? Тоже фактор. А трагедия? Я не вижу, на каком основании можно было бы не признать фактором и ее. А мещанская драма? И она фактор. Словом, факторам несть числа.

Когда противники материалистического понимания истории говорят, что развитие человечества совершается под влиянием многих и весьма различных факторов, то они высказывают весьма почтенную истину; но эта почтенная истина сводится к тому, что фактические отношения людей в обществе и историческое развитие этих отношений *отражаются в человеческом сознании под очень многими и очень различными углами, лежащими на различных плоскостях*. Эта неоспоримая истина не может быть пределом нашего научного познания общественных явлений. Так, признав, что английская революция совершилась под сильнейшим влиянием *религиозного* «фактора», мы должны найти общественные причины, обусловившие собою это влияние. Точно так же, признав, что французское общественное движение прошлого века совершалось под *философским* знаменем, мы должны найти *общественную* причину преобладания философии. А так как мы уже знаем, чем обуславливаются общественные отношения людей, то многочисленность и многообразие факторов нисколько не мешают нам смотреть на историю с точки зрения материалистического монизма.

Г. Михайловский, прочитав мою статью о материалистическом понимании истории, вообразил, что я начинаю смотреть на общественную жизнь глазами подобных ему эклектиков.

Если бы читатель спросил меня, существуют ли на самом деле такие «экономические материалисты», которые всюду лезут с экономическим фактором, то я ответил бы, что существуют. В восьмидесятых годах представителем *такого* будто бы материализма являлся известный экономист Г. де-Молиари в своем сочинении «Политическая эволюция», печатавшимся в «Журнале экономистов». Для Молиари война есть коммерческий гешефт, приносящий прибыль или убыток; республика – товарищество на паях; монархия – единоличное предприятие и т.д. и т.д. Тот же Молиари считает буржуазный экономический порядок естественным порядком экономических отношений. Это уже, конечно, полный абсурд. Но довольно значительный элемент такого будто бы материализма был еще у французских историков первой половины нашего века. Место не позволяет мне останавливаться здесь на этом. Но я собираюсь побеседовать с читателем о книге Токвилля «Демократия в Америке», недавно вышедшей в русском переводе г. Линда. Тогда я коснусь и этого предмета.

А к каким материалистам принадлежит г. Туган-Барановский? Об этом не станет и спрашивать тот, кто прочел и понял его книгу о кризисах. Но г. Туган-Барановский употребляет неправильные термины, чем очень радуется некоторых *«литературных акробатов»*¹, не имеющих никакого понятия о существе дела и неспособных пойти дальше чисто словесных препирательств.

Г. Михайловский не знает, к кому относится употребленное мною выражение: самозванец, всеу приемлющий великое имя. Выскажусь определеннее. По-моему,

¹ *Туган-Барановский М.И.* Промышленные кризисы в современной Англии, их причины и влияние на народную жизнь. СПб., 1894.

самозванец у нас тот, кто предлагает «обществу» *«решать»* такие «задачи», которых оно, по своему экономическому положению, даже и понять не может. Пусть г. Михайловский ответит мне, есть ли у нас писатели, делавшие обществу такие детски наивные предложения. Есть? Ну, стало быть, нечего и толковать.

VIII

Перехожу к другим «пунктам» статьи г. Михайловского. По его словам, я «воскрешаю гегелианство». Это, разумеется, *«неправда»* (курсив опять мой). Гегель был идеалист, а меня по совести не примет за идеалиста даже человек, знакомый с философией лишь «по Льюису». Если же говорить против совести, то можно, разумеется, и меня объявить идеалистом. В доказательство можно, пожалуй, сослаться на то, что я говорю о Гегеле с величайшим уважением. Но уважать Гегеля меня научил еще автор примечаний к Миллю. Вот что пишет он в разборе своей собственной диссертации об эстетических отношениях искусства к действительности:

«Г. Чернышевский совершенно принимает справедливость современного направления науки и, видя, с одной стороны, несостоятельность прежних метафизических систем, с другой стороны, неразрывную связь их с господствующею теориею эстетики, выводит из этого, что господствующая теория искусства должна быть заменена другою, более сообразною с новыми воззрениями науки на природу и человеческую жизнь. Но прежде, нежели займемся мы изложением его понятий, составляющих только применение общих воззрений нового времени к эстетическим вопросам, мы должны объяснить отношения, связывающие новые воззрения со старыми в науке вообще. Часто мы видим, что продолжатели ученого труда восстают против своих предшественников, труды которых служили исходною точкою для их собственных трудов. Так, Аристотель враждебно смотрел на Платона, так, Сократ безгранично унижал софистов, продолжателем которых был. В новое время этому также найдется много примеров. Но бывают иногда отрадные случаи, что основатели новой системы понимают явно связь своих мнений с мыслями, которые находятся у их предшественников, и скромно называют себя их учениками; что, обнаруживая недостаточность понятий предшественников, они с тем вместе честно выказывают, как много содействовали эти понятия развитию их собственной мысли. Таково было, например, отношение Спинозы к Декарту. К чести основателей современной науки должно сказать, что они с уважением и почти сыновнею любовью смотрят на своих предшественников, вполне признают величие их гения и благородный характер их учения, в котором показывают зародыши собственных воззрений. Н. Чернышевский понимает это и следует примеру людей, мысли которых применяет к эстетическим вопросам»¹.

¹ *Чернышевский Н.Г.* Очерки гоголевского периода русской литературы // Полн. собр. соч.: в 15-ти т. Т. III. М.: Гослитиздат, 1947. С. 206-207.

Учителем Чернышевского в философии был Фейербах, а человек, из философии которого вышла система Фейербаха и к которому Чернышевский, по примеру Фейербаха, относился с таким огромным уважением, был тот самый Гегель, в сочинениях которого г. Михайловский усматривает лишь «метафизику». Впрочем, я выразился, кажется, не совсем точно. Можно ли сказать, что г. Михайловский *усматривает в сочинениях* Гегеля то или то, когда он *не видел этих сочинений*? Тут следовало бы подобрать другое выражение, но я надеюсь, что моя мысль все-таки понятна читателю.

С таким же огромным уважением говорит Чернышевский о Гегеле и в своих *«Очерках гоголевского периода русской литературы»*. Г. Михайловский с большой пользой для себя прочтет, например, хоть следующие строки:

«Мы столь же мало последователи Гегеля, как и Декарта или Аристотеля. Гегель ныне уже принадлежит истории, настоящее время имеет другую философию и хорошо видит недостатки гегелевой системы; но должно согласиться, что принципы, выставленные Гегелем, действительно, были очень близки к истине, и некоторые стороны истины были выставлены на вид этим мыслителем с истинно поразительною силою. Из этих истин открытие иных составляет личную заслугу Гегеля; другие, хотя и принадлежат не исключительно его системе, а всей немецкой философии со времен Канта и Фихте, но никем до Гегеля не были формулированы так ясно и высказываемы так сильно, как в его системе»¹.

Вот совершенно так смотрю на Гегеля и я многогрешный. Я столь же мало стремлюсь воскрешать «гегелианство», как и картезианизм, но я знаю, что «принципы, выставленные Гегелем, действительно, были очень близки к истине, и некоторые стороны истины были выставлены на вид этим мыслителем с истинно поразительной силой». И я высказываю это в своих статьях. Г. Михайловский недоволен этим. Я скажу ему, как Фон-Визин: «утешительно в человеческом невежестве считать вздором все то, о чем понятия не имеешь».

Знаете ли, читатель, какие отличительные черты гегелевой философии особенно нравились автору примечаний к Миллю? Ненависть к *«субъективному» мышлению и диалектический метод*. Вас это удивляет? Читайте:

«Прежде всего укажем на плодотворнейшее начало всякого прогресса, которым столь резко и блистательно отличается немецкая философия вообще и в особенности гегелева система от всех лицемерных и трусливых воззрений, какие господствовали в те времена (начало XIX века) у французов и англичан: «истина – верховная цель мышления; ищите истины, потому что в истине благо; какова бы ни была истина, она лучше всего, что не истинно; первый долг мыслителя: не отступать ни перед какими результатами; он должен быть готов жертвовать истине самыми любимыми своими мнениями. Заблуждение – источник всякой пагубы; истина – верховное благо и источник всех других благ». Чтобы оценить

¹ Чернышевский Н.Г. Очерки гоголевского периода русской литературы // Полн. собр. соч.: в 15-ти т. Т. III. М.: Гослитиздат, 1947. С. 206-207.

чрезвычайную важность этого требования, общего всей немецкой философии со времени Канта, но особенно энергически высказанного Гегелем, надобно вспомнить, какими странными и узкими условиями ограничивали истину мыслители других тогдашних школ: они принимались философствовать не иначе, как затем, чтобы «оправдать дорогие для них убеждения», т.е. искали не истины, а поддержки своим предубеждениям; каждый брал из истины только то, что ему нравилось, а всякую неприятную для него истину отвергал, без церемонии признаваясь, что приятное заблуждение кажется ему гораздо лучше беспристрастной правды. Эту манеру заботиться не об истине, а о подтверждении приятных предубеждений немецкие философы (особенно Гегель) прозвали «субъективным мышлением», философствованием для личного удовольствия, а не ради живой потребности истины. Гегель жестоко изобличал эту пустую и вредную забаву¹.

Не правда ли, это замечательный отрывок? Он очень хорошо объясняет, почему наши «передовые» люди совсем возненавидели Гегеля с тех пор, как предались «пустой и вредной забаве», называемой «субъективным мышлением». А теперь послушайте, что говорит Чернышевский о диалектике.

«Как необходимое предохранительное средство против поползновений уклониться от истины и угождение личным желаниям и предрассудкам был выставлен Гегелем знаменитый «диалектический метод мышления». Сущность его состоит в том, что мыслитель не должен успокаиваться ни на каком положительном выводе, а должен искать, нет ли в предмете, о котором он мыслит, качеств и сил, противоположных тому, что представляется этим предметом на первый взгляд; таким образом, мыслитель был принужден обозревать предмет со всех сторон, и истина являлась ему не иначе, как следствием борьбы всевозможных противоположных мнений. Этим способом, вместо прежних односторонних понятий о предмете, мало-помалу являлось полное, всестороннее исследование и составлялось живое понятие о всех действительных качествах предмета. Объяснить действительность стало существенною обязанностью философского мышления. Отсюда явилось чрезвычайное внимание к действительности, над которою прежде не задумывались, без всякой церемонии искажая ее в угодность собственным односторонним предубеждениям. Таким образом, добросовестное, неутомимое изыскание истины стало на месте прежних произвольных толкований. Но в действительности все зависит от обстоятельств, от условий места и времени, – и потому Гегель признал, что прежние общие фразы, которыми судили о добре и зле, не рассматривая обстоятельств и причин, по которым возникало данное явление, – что эти общие, отвлеченные изречения не удовлетворительны: каждый предмет, каждое явление имеет свое собственное значение, и судить о нем должно по соображению той обстановки, среди которой оно существует; это правило выражалось формулою: «отвлеченной истины нет; истина конкретна», т.е. определительное суждение можно

¹ Чернышевский Н.Г. Очерки гоголевского периода русской литературы // Полн. собр. соч.: в 15-ти т. Т. III. М.: Гослитиздат, 1947. С. 206-207.

произносить только об определенном факте, рассмотрев все обстоятельства, от которых оно зависит»¹.

Из этого видно, что диалектический метод вовсе не такая плохая вещь, как это, по-видимому, думает г. Михайловский. Видно также, что по существу диалектику могут осуждать только люди, склоняющиеся к «субъективному мышлению». Видно, наконец, что если я «воскрешаю гегелианство», отстаивая диалектику, то это «зло не столь большой руки», и уж, конечно, не Чернышевский осудил бы меня за это. Притом же в руках современных материалистов диалектический метод приобретает совсем новое важное значение.

«Моя диалектическая метода, – говорит автор «Капитала», – в своей основе не только отлична от гегелевой, но составляет прямую ее противоположность. Для Гегеля процесс мышления, превращаемый им, под именем Идеи, в самостоятельного субъекта, является Демиургом действительности. А у меня, наоборот, идеальное есть лишь отражение и перевод материального в человеческой голове. В своей мистифицированной форме диалектика сделалась немецкой модой, потому что ее считали оправданием всего существующего. В ее рациональном виде она противна бюргерству и его теоретическим выразителям, потому что, вместо с объяснением существующего, она объясняет также необходимость его отрицания и исчезновения; потому что она рассматривает всякую данную форму в потоке движения, т.е., следовательно, с преходящей стороны; потому что она ни перед чем не останавливается и имеет существенно критический и прогрессивный характер»².

Я считаю за честь «воскрешать» этот метод, перед которым не устоят наши «субъективные» измышления и наши утопические «формулы прогресса». Г. Михайловский и сам чувствует, что дело субъективных измышлений и утопических формул обстоит теперь очень плохо; поэтому он прячется за спину наших просветителей, а нас выдает за ожесточенных врагов наследства, завещанного нам шестидесятью годами. Но и это – *«не-правда»* (курсив опять мой). От шестидесятих годов нам досталось различное наследство. Мы унаследовали от них, например, идеи Добролюбова и его друзей. Я приглашаю г. Михайловского показать, где и когда нападали мы на эти идеи. Он никогда не покажет этого по той простой причине, что мы, напротив, защищали их. Но от тех же шестидесятих годов мы унаследовали и Михайловского и некоторых его единомышленников. *Этого* наследства нам, как говорится, не нужно и даром; от этого наследства мы отрекаться обеими руками. Отрекаться, во-первых, потому, что мы вообще не охотники до пустой и вредной забавы, называемой субъективным мышлением; а во-вторых, потому, что пустая и вредная забава, называемая субъективным мышлением, явилась как реакция против дорогих нам идей Добролюбовского кружка.

¹ Чернышевский Н.Г. Очерки гоголевского периода русской литературы // Полн. собр. соч.: в 15-ти т. Т. III. М.: Гослитиздат, 1947. С. 206-207.

² Маркс К., Энгельс Ф. Послесловие Маркса ко второму изданию 1-го т. «Капитала» // Избран. произведения. Т. I. М.: Госполитиздат, 1955. С. 416.

Субъективизм утвердился у нас на время единственно потому, что сошел со сцены этот кружок. Г. Михайловский с полным правом может сказать о себе словами Скалозуба:

Довольно счастлив я в товарищах моих;
Ваканции как раз открыты:
То старших выключат иных,
Другие, смотришь, перебиты...

И если этот маленький человек, на время показавшийся большим оттого, что великие люди удалились, решился обвинять нас в отрицательном отношении к оставшемуся после шестидесятих годов идейному наследству, то он, очевидно, рассчитывал на короткую память читателя. Но, поступая так, он делал очень рискованный шаг. Память читателя коротка лишь до поры до времени. Что будет, если читатель начнет справляться с метриками? Что будет, если он, наконец, выяснит себе истинное отношение г. Михайловского к наследству, завещанному нам шестидесятыми годами? Будет то, что г. Михайловского и его единомышленников перестанут принимать всерьез даже самые наивные «субъективные юноши». Разумеется, от этого очень много выиграет наше умственное развитие. Но гг. субъективисты немало потеряют при этом.

IX

Г. Михайловский утверждает, что философские взгляды сотрудников «Нового Слова» еще не выяснились. Он утверждает это на том основании, что одни из этих сотрудников «воскрешают гегелианство» (читатель уже видел, что это значит), а другие склоняются к так называемой критической философии. Но два человека могут иметь очень ясные философские взгляды и в то же время расходиться между собою...¹

¹ На этом рукопись обрывается.